

Колдовские *Миры*

ВЕРА ЧИРКОВА

СЕСТРЫ ТИШИНЫ

БОЛТУШКА

ЭКСМО

Москва

2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ч-65

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Чиркова, Вера Андреевна.
Ч-65 Сестры Тишины. Болтушка / Вера Чиркова. — Москва : Эксмо, 2014. — 384 с.
ISBN 978-5-699-72987-6

Ни ушлый торговец, ни опытная целительница, ни тем более высокомерный хозяин богатого замка никогда не поверят байкам о том, будто беспечной и болтливой простолюдинке по силам обвести их вокруг пальца и при этом остаться безнаказанной. Просто посмеются и тотчас забудут эти сказки, даже не подозревая, что никогда бы не стали над ними смеяться ни сестры Святой Тишины, ни их мудрая настоятельница. Ведь болтушка — это одно из самых непростых и тайных ремесел, какими владеют девушки, вышедшие из стен загадочного северного монастыря. И никогда не воспользуется своим мастерством ради развлечения ни одна болтушка, на это ее может толкнуть лишь смертельная опасность или крайняя нужда.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-72987-6

© Чиркова В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Глава 1

— Малиха! — Донесшийся со двора рык хозяина застал женщину за едой, но она и не подумала проглотить лишнюю ложку варева.

— Доедай, — подвинула миску с похлебкой загорелому дочерна мальчишке и стремглав бросилась прочь из мазанки. — Слушаю, хозяин!

— Не видишь, что творится возле лавки Васана? — Жесткие усы на лоснящемся круглом лице от возмущения встали дыбом, как шерсть на загривке одичавшей собаки.

— Бегу, хозяин. — Малиха ловко замотала голову тонким полотняным платком с давно выцветшим узором и бросилась к выходу со двора.

Торговлю по торемскому обычаю купцы вели в передней части собственных дворов, огороженных высокими глинобитными дувалами. Очень удобный способ. Не нужно таскать туда-сюда товар и платить охранникам, достаточно просто утром пошире распахнуть ворота, чтобы идущему мимо люду было отлично видно, чем торгуют в этом дворе. А хозяину можно устроиться на засаленном ковре, брошенном на поставленный над арыком топчан, и спокойно наблюдать за покупа-

телями, неспешно жуя какой-нибудь из сушеных фруктов.

— Ай, добрые люди! Чем таким хорошим тут торгуют? — едва войдя во двор к торговцу Васану, певучим голосом завела Малиха. — Ой, надо же, какие румяные лепешки! Как бы узнать, чем таким их мажут? Мои никогда такими не получаются, а уж чем только ни мазала! И молоком, и взбитыми яйцами, и даже медом! А эта морковка такая крупная! Слава выращившему ее, слава... у других ведь ботва только выросла... каким, интересно, навозом ее поливали? Никто не слышал, на чем морковь быстрее растет? Кто бы рассказал, я бы заплатила.

— Малиха! — Крепкая лапа приказчика Ахчара, помощника Васана, сжала ее предплечье, и женщина немедленно попыталась вонзить ему между ребер острый локоть. — Идем со мной, я все покажу! И чем лепешки мажут, и откуда морковка растет...

— Вот как вырастет у тебя такая, как в той корзине, так и покажешь, — не осталась в долгу Малиха и со всей силы опустила каблук грубого дешевого башмака на носок его щегольских сапог из тонкого хрома.

— Ай, шайтан-апа... — взвыл приказчик, отпустившая ее руку, и схватился за ногу, — все кости раздавила, змея!

Но женщины уже не было рядом, ее серенький платок мелькнул в воротах и затерялся в толпе.

Да и остальные покупатели, бродившие между корзин и скамеек с разложенным товаром, потихоньку потянулись к выходу. Народ в этом мирном и благодатном городе любил поторговаться и

совершать покупки не спеша, со вкусом и удовольствием, а какое тут удовольствие, когда приказчик ни с того ни с сего набросился посреди дня на беззлобно болтавшую какие-то глупости женщину? Разумеется, говорила она не очень приятные вещи... все знают, сейчас, в дни поста, перед поворотом солнца к лету, нельзя даже смотреть на молоко и яйца. Ну а мед вообще нельзя отбирать у пчел, пока не отцветет последнее дерево в долине! Но не бить же за болтовню свободную женщину!

— Ахчар! — пронзительные черные глаза Васана сверлили пухлое лицо приказчика, как жужелицы плод. — Я тебя просил потихоньку отвести ее в сторону!

— Никому не под силу потихоньку договориться с этим отродьем демона! Пусть кто другой попробует!

— Но плачу я — тебе! И мне все равно, как ты это сделаешь, но если эта герпень войдет завтра в мой двор, то ты из него тут же вылетишь!

— Не войдет, — злобно прищурился Ахчар и решительно направился к глухой загородке, перегораживающей двор надвое, даже не догадываясь, что почти рядом, за дувалом, неторопливо бредет по узкому проулку обидевшая его служанка торговца Кахрима, живущего наискосок.

— Хасит!

— Я тут, господин. — Коловший узловатые дрова прислужник отставил топор и поклонился.

— Ты же сидел за воровство? Значит, умеешь лазить по деревьям и заборам. Не ложись вечером спать, работа будет.

— Хорошо, господин, — уныло сказал тот и низко поклонился, пряча злой и насмешливый взгляд.

Нужно быть последним дураком, чтобы не догадаться сразу, какую пакость задумал этот шакал. Светлоглазая и остроязыкая Малиха, вот причина последних бед и мечтаний приказчика. Пока он придумывает ответ на один ее вопрос, шустрякая женщина успевает задать пять новых, но это он бы стерпел. По приказу хозяина служанка ловко отпугивает покупателей, заставляя их сомневаться в качестве товара, а Ахчар ничего не может с этим поделать.

Разумеется, он пытался ее соблазнить и подкупить, запугать и даже побить! Но ни одна из попыток не завершилась победой мужчины, как положено по незыблемым законам. И если бы она была не свободной вдовой, а чьей-то сестрой или дочерью, то давно уже пришла бы в дом Ахчара под свадебным покрывалом. Но свободную вдову, поднимающую сына, законы защищают очень строго. И у приказчика есть только один выход заманить ее на женскую половину своего дома: выкрасть, опоить зельем и показать утром старосте квартала спящей в своей постели. Никто не станет разбираться, как она туда попала, просто поставят на щеку клеймо и отдадут тому, с кем она потеряла свою свободу. Вдова, воспитывающая сына в одиночку, обязана вести себя примерно.

Приказчик уже давно ушел по своим делам, а Хасит все сидел на чурбаке, рассматривая невидящим взором редкие облака в по-весеннему синем небе, и хмуро сопел, решая нелегкую задачку. И не мог даже

предположить, что с той стороны ограды, прижавшись спиной к ее прохладной, шершавой поверхности, так же неподвижно сидит Малиха, с тоской поглядывая в сторону белеющих вершинами гор.

Как жаль, что не удалось проработать у Кахрима до середины лета, когда сходит снег с перевалов и собираются первые обозы на Ардаг. Придется уходить в соседний поселок и искать работу там. А потом возвращаться, в этом месте самая опасная дорога в королевство, Малиха давно все выяснила. Хотя и там ее никто не ждет... а с теми, кто мог бы ждать, она сама оборвала все связи.

Но и оставаться здесь третьей женой у какого-нибудь заплывшего жиром приказчика и молча терпеть прикосновения его наглых пальцев было невероятно противно. Но еще невыносимее было знать: для всех его родных сыновей ее Кори будет приемышем и мальчиком на побегушках.

Женщина в последний раз вздохнула и легко поднялась на ноги, раз приняла решение, значит, нужно успеть все подготовить. Да и слишком долго разгуливать тоже нельзя, хозяин умеет ругаться очень обидно, стараясь задеть не ее, а сжимавшего от бессилия кулачки сынишку. Конечно... торговца нетрудно за это наказать, но она отлично знала, как мстительны и подлы бывают бывшие хозяева.

Во двор вдова вошла нагруженная вязанкой дров, которые ей давно должен был за услугу один из рыночных пекарей. За последние полчаса она пробежала по всем должникам и вытребовала с них долги, а за эти дрова забрала себе те монеты, которые хозяин выдал на расходы.

— Где ты так долго шлялась?

— Ну не вести же мне было всю толпу сюда! — вспылила служанка. — Вон Ахчар и так набросился с кулаками! Обозлился, как овод, начинаю бояться, что однажды ночью он придет с веревками и зельем.

— Я ему приду, — немедленно повернул свое раздражение в другое русло Кахрим, — запирай покрепче дверь, не спи с открытой.

— А может, мне на денек к прачкам поехать? — с сомнением произнесла Малиха. — Пока весенняя вода не спала, зимние халаты и покрывала выстирать. Они уже три дня как приготовлены.

— Хорошо, — подумав, решил хозяин и бросил ключ, который женщина ловко поймала на лету. — Запрягай ослика. Чем раньше начнете, тем быстрее закончите.

Служанка торопливо кивнула и заторопилась, сделав вид, будто не заметила его хитрости, ведь на сегодня она всю работу уже закончила. В конце концов, она и сама намерена сплутовать.

Через полчаса из задних ворот выкатилась высокая арба, нагруженная узлами, но никого это не удивило и не насторожило. Все соседи отлично знали, что Кахрим доверяет своей служанке перевозить товары и разъезжать по хозяйственным делам. Но никто не мог знать, что вместе с хозяйскими вещами в арбе лежат и узелки Малихи, и прячется ее самая главная ценность — загорелый мальчишка на вид лет семи.

Первая часть плана удалась Малихе как нельзя лучше, впрочем, в этом она и заранее почти не сомневалась. Прачки обрадовались работе и не

усомнились ни в одном ее слове, все-таки она привозит им работу уже почти год. И потому спокойно поглядывали, как женщина ставит возле сарая арбу, привязывает на пустыре ослика пастись и направляется к дальнему пригорку. Там, на склоне, можно было набрать ягод и лекарственных трав, не потоптанных и не объеденных скотом.

Некоторое время ее фигурка еще видна была среди кустов, потом куда-то делась, но никто не волновался, Малиха женщина хоть и молодая, но самостоятельная и ловкая, в обиду себя не даст. Как наберет трав, так и вернется.

Но она возвращаться и не собиралась. Едва свернув в незаметный от мостков ложок, сбросила кажущуюся беззаботность и почти бегом помчалась в сторону дороги на Сюн, где меньше часа назад спрятала в придорожных кустах вместе с узлами свое сокровище. Хоть и не должно в это время быть на дороге обозов с чуткими собаками, да и одинокие путники перед закатом не ходят, вот только материнская душа без тревог не живет.

Но обошлось. Все было на месте, и Кори, гулявший неподалеку от узлов, сразу настороженно поднял голову, едва слышал ее шаги. Он вообще был очень чутким, ее мальчик, и Малиха не раз замечала летними вечерами, как он оглядывается на крышу за миг до того, как над ней пролетит летучая мышь. Вот если бы ему еще погулять по подземельям Святой Тишины, украдкой вздохнула женщина и сразу запретила себе думать на эту тему. Она сама закрыла себе туда все пути, когда девять лет назад ушла из монастыря за торемским

торговцем. По большой любви ушла, искренне веря, что продлится она много-много лет.

— Ягод хочешь? — спросила заботливо и протянула лопушок, в котором алела горка мелкой земляники. Не удержалась, оборвала по пути несколько кустиков.

— Вместе с тобой. — Неуступчиво глянули на нее серые глаза, и Малиха умиленно вздохнула. Сын давно поймал мать на невинной лжи и знал, что она все вкусное пытается скормить ему. Потому больше и не попадает на объяснения, будто мать уже поела.

— Давай, — с улыбкой кивнула она и, сев на подсохший бугорок, первая взяла с лопушка ягодку.

— Мы совсем ушли от Кахрима? — не по-детски серьезно спросил Кор, когда ягод на листе не осталось.

— Да, — легко кивнула женщина, поднимаясь на ноги. — Нужно идти. До Сюна как раз к вечеру доберемся, отсюда всего четыре лиги.

Она не стала говорить, что еще зимой намеренно познакомилась с травницей, державшей в Сюне маленькую лавочку, и сделала все, чтобы с ней подружиться. За годы скитаний научилась заранее подыскивать себе пути для отступления.

— Это хорошо, — коротко одобрил Кор, и сердце матери кольнула боль.

Если ее терпеливый ребенок так рад уходу из дома, где у них была своя каморка и два раза в день миска похлебки, стало быть, заносчивый торговец успел всерьез ему чем-то досадить.

— Забудь о нем, — сказала коротко и с нажимом, крепко прижала к себе худое тельце, снова

опустилась на пригорок и зарылась лицом в пахнущие солнцем русые волосы, — а в следующий раз говори мне сразу, если кто обидит.

— Я скоро вырасту, — пообещал мальчишка, обвив шею матери загорелыми ручками, — и буду работать. Тогда мы купим дом.

— Солнышко мое! — растрогалась мать и невольно оглянулась на белеющие вдали горы. — А я решила вернуться на родину. Там мы будем жить по-другому... нужно только перебиться до лета. Видишь те горы? За ними моя родина. Как стоят на перевалах снега, так и уедем с обозом. Ты уже не маленький, сможешь выдержать переезд.

— Я сильный, — подтвердил Кор, и она согласнo кивнула. — Могу хоть целый день идти.

— Ну, тогда давай поторопимся, я хочу получить у новых хозяев вечернюю миску супа, — решительно отстранила ребенка Малиха, хотя могла бы сидеть так бесконечно.

Глава 2

— Прости. Ты же умная женщина, должна была подумать, такими слугами, как ты, хозяева не разбрасываются. Хотя я была бы очень рада такой помощнице, но взять тебя не могу. Даже если сразу не разгромят «неизвестные» бандиты мою лавку и не увезут тебя, связанную, то потом мне за каждую пиалу соли и сахара тройне платить придется. И это я бы стерпела, так ведь покупать у меня тоже перестанут. Но сейчас не гоню, почувте. И покормлю, и в дорогу еды дам. И совет, если хочешь, конечно. Я бы пошла к рыбакам,

они люди дружные, своих не выдают. И в сезон от ловкого работника не откажутся, а тебе еще и сынишка помогать будет.

— Спасибо, — искренне сказала Малиха, стараясь не смотреть в глаза притихшему Кору. — Я тебя понимаю. Мы уйдем пораньше, задами... как пришли, никто не узнает.

Намерена она или нет воспользоваться советом травницы, вслух говорить не стоит. Женщина, казавшаяся в Карьюме довольно бойкой, здесь, дома, вела себя очень осмотрительно. И спрашивать, нет ли у хозяйки проблем или врагов, Малиха тоже не собиралась, ей бы со своими справиться.

Под ночлег хозяйка отвела незванным гостям стоящий за двором пустующий сенник, где оставалось еще несколько охапок прошлогоднего сена, и выдала пару таких потрепанных кошм, что ни у кого не возникнет вопроса, почему они валяются в сеннике. На ужин принесла большую миску, полную крупных кусков вареного теста, щедро присыпанных мелко резанным мясом и луком. А когда забирала пустую посуду, подала Малихе обещанный сверток с припасами, как знак того, что не передумала, и к утру в сеннике никого не должно быть.

— Мам, куда мы пойдём? — тихо спросил Кор, когда за травницей захлопнулась дверь домика.

— Подумаю, — бодро фыркнула женщина, — утром все виднее. Спи, нам рано вставать.

Не говорить же ребенку, что у нее все давно просчитано и продумано? И потому к рыбакам она не пойдет ни за что. Хотя они и дружные, и своих не выдают, но и к женщинам относятся

очень просто... и если бы она была обычной торемской вдовой, для нее не было бы в этом ничего шокирующего. Но торемские вдовы и третьими женами идут с удовольствием, какая-никакая, а жена, а это значит, будет у тебя и дом, и еда, и мужская ласка.

Но подобное не для женщины из знатного рода... хотя она и отказалась от него дважды. Первый раз, когда сбежала в монастырь, восстав против брата, решившего поправить ее замужеством свои дела, второй — когда ушла из монастыря. А потом еще от родичей мужа ушла, припомнила Малиха, а теперь вот от хозяина... и даже не от первого. Похоже, судьба у нее такая, все время куда-то убежать... хотя кто бы знал, как она от этого устала! И хочет уже иметь свой дом.

Нет, не так... даже не дом, домик, хижину, избушку... но обязательно свою, чтобы никто не проверял шкафы и не заглядывал в миску.

Рядом ровно задышал сынишка, и Малиха заботливо прикрыла его кошмой. Хотя весна уже повернула к лету, но ночами бывает прохладно. Поймав себя на том, что уже даже в мыслях называет себя Малихой, женщина горько усмехнулась. Так обозвала ее когда-то свекровь, не сумевшая или не захотевшая выговаривать чуждое имя Мальяра.

Рассвет встретил их на узкой тропке, ведущей к северному тракту, возвращаться к развилке Мали не захотела. Там можно столкнуться с торговцами, спешащими на ярмарку в Карьюм, а они люди очень любопытные и жадные. Никогда не откажутся от малейшей возможности втиснуть в свой